

И.А. Овчинина

Андрей Болконский

Болконский Андрей Николаевич — центральный персонаж романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир», сын князя Николая Андреевича Болконского, о котором Анна Павловна Шерер отзывалась как об «очень умном человеке», «но со странностями и тяже-лом». Старый князь более всего дорожил своей честью, отличался независимостью нрава и прямоотой суждений, ценил знания, всестороннюю образованность, был очень аккуратен и педантичен. Эти качества он привил и своему сыну.

Большинство людей, знавших Андрея, испытывают к нему чувство уважения. Пьер Безухов относил Андрея к типу людей, «способных обдумывать свои поступки», «считал князя Андрея образцом всех совершенств именно оттого, что князь Андрей в высшей степени соединял все те качества, которых не было у Пьера и которые ближе всего можно выразить понятием — силы воли. Пьер всегда удивлялся способностям князя Андрея спокойного обращения со всякого рода людьми, его необыкновенной памяти, начитанности (он все читал, все знал, обо всем имел понятие) и больше всего его способности работать и учиться».

Читатель знакомится с князем Андреем на первых же страницах романа, на вечере в салоне фрейлины Анны Павловны Шерер. «Князь Болконский был небольшого роста, весьма красивый молодой человек с определенными и сухими чертами», с «усталым, скужающим взглядом». Совсем недавно он женился на Лизе Мейнен, но за короткое время совершенно охладил к своей жене, о чем красноречиво говорит «гримаса, портившая его красивое лицо», когда он обращается к княгине.

В начале произведения князь Андрей находится в состоянии духовного кризиса. Ему наскучила светская и семейная жизнь, которая не дает пищи уму, выхода для интеллектуальной, духовной энергии. «Гостиные, сплетни, балы, тщеславие, ничтожество — вот заколдованный круг, из которого я не могу выйти», — признается он Пьеру Безухову. Андрей устал от «глупого общества», устал от семейного круговорота, уводящего его от высокого предназначения. Недаром Андрей дает совет Пьеру: «Никогда, никогда не женись, мой друг; не женись до тех пор, пока ты не скажешь себе, что ты сделал все, что мог... А то пропадет все, что в тебе есть хорошего и высокого. Все истратится по мелочам». И сестре Марье он признается, что женитьба не принесла ему удовлетворения, как не сделала она счастливой и его жену. «Отчего это? Не знаю...»

Разочаровавшись в том образе жизни, который он вел, Андрей принимает решение уйти на войну. В то время (лето 1805) его кумиром является Наполеон, который был в его глазах «великий полководец», гений. Андрей считает, что он должен обрести не меньшую славу, чем французский император. На войне он надеется осуществить роль спасителя русской армии, обрести свой Тулон. Не случайно проницательная и хорошо изучившая особенности характера своего брата княжна Марья отметила у него «какую-то гордость мысли».

С наказом отца долго не состоять в «скверной должности» адъютанта («Коли хорош будет, служи. Николая Андреевича Болконского сын из милости служить ни у кого не будет») Андрей вступает в новую полосу жизни.

В армии Андрей воодушевился, армейская жизнь раскрыла в нем офицерские способности, незаурядный ум, благородство и мужество. Толстой отмечает, как изменился его герой в армии: «В выражении его лица, в движениях, в походке почти не было заметно прежнего притворства, усталости и лени; он имел вид человека, не имеющего времени

думать о впечатлении, какое он производит на других, и занятого делом приятным и интересным. Лицо его выражало больше довольства собой и окружающими; улыбка и взгляд его были веселее и привлекательнее».

Благодаря своим деловым качествам он становится «любимым и доверенным» адъютантом командующего. Вникая в тонкости военного искусства, князь Андрей умел понимать не только то, что сказал, «но и то, что желал бы сказать ему Кутузов». В штабе отношение к Болконскому неодинаково. Одни «восхищались им и подражали ему; и с этими людьми князь Андрей был прост и приятен», другие «считали его надутым, холодным и неприятным. Но с этими людьми князь Андрей умел поставить себя так, что его уважали и даже боялись». Толстой обращает внимание читателя на то, что Болконский «был один из тех редких офицеров в штабе, который полагал свой главный интерес в общем ходе военного дела».

Эти качества сразу же сумел оценить в нем Кутузов, отметив в князе «хорошего офицера», о чем он сообщил в письме к старому князю Болконскому. «Ваш сын, – писал он, – надежду подает быть офицером, из ряду выходящим по своим знаниям, твердости и исполнительности. Я считаю себя счастливым, имея под рукой такого подчиненного».

Когда австрийская армия, бывшая союзницей России, потерпела поражение, Андрей понял, «что половина кампании проиграна, понял всю трудность положения русских войск и живо вообразил себе то, что ожидает армию, и ту роль, которую он должен будет играть в ней». Но Наполеон был не только его врагом, но все еще оставался его кумиром. Сложность для Андрея заключалась в том, что «он боялся гения Бонапарта... и вместе с тем не мог допустить позора для своего героя».

Князь Андрей был отмечен как способный офицер, ему поручают ответственные задания. Кроме того, он был хорошо подготовлен к тяготам походной армейской жизни. «Несмотря на свое несильное на вид сложение, князь Андрей мог переносить физическую усталость гораздо лучше самых сильных людей».

Близко к сердцу воспринимает Андрей победы и неудачи русской армии, которые лишь укрепляют его честолюбивые устремления, жажду славы спасителя России, славы героя. Когда началось решительное наступление французов после разгрома австрийской армии, когда в критическом положении оказались русские войска, «ему пришло в голову, что ему-то именно предназначено вывести русскую армию из этого положения, что вот он, тот Тулон, который выведет его из рядов неизвестных офицеров и откроет ему первый путь к славе!».

Толстой передает состояние своего героя, готового к самому худшему. «А ежели ничего не останется, кроме как умереть? – думал он. – Что же, коли нужно! Я сделаю это не хуже других». Бегущие воины вызывают у него презрение («Это толпа мерзавцев, а не войско»), он стремится оказаться в гуще событий и поэтому настаивает на том, чтобы Кутузов позволил ему остаться в отряде Багратиона, которому предстояла задача задержать французов, продержаться сколько можно, чтобы дать возможность подойти Кутузову со всеми обозами и с подкреплением. Это был рискованный, но необходимый тактический маневр, позволивший одержать победу под Шенграбеном.

В отряде Багратиона Болконский ведет себя не как пассивный наблюдатель. Прежде всего он объехал позицию и узнал расположение войск, все зафиксировал на бумаге, сделал необходимые заметки, чтобы сообщить Багратиону. Профессионализм офицера сказывается во всех действиях князя Андрея. Он многому научился в штабе Кутузова, следя за распоряжениями и общими движениями, и потому «и в этом предстоящем деле невольно соображал будущий ход военных действий только в общих чертах». Когда началось сражение, князь Андрей взволнованно думает о личной славе: «Но где же? Как же выразится мой Тулон?»

Мужество и благородство толстовского героя раскрывается в том, что он не избегает опасности, «шагая через тела и под страшным огнем французов», помогает оставшемуся

без поддержки, забытому капитану Тушину убрать орудия. Именно Андрей Болконский не только вступился перед Багратионом за капитана Тушина, но и отдал ему должное как герою дня.

Если маленький, скромный Тушин преисполнен чувством благодарности к «милой душе», «голубчику» князю Андрею, то Николаю Ростову, которого тот застал вдохновенно повествующим про Шенграбенское сражение, он решительно не понравился (но и Болконский армейских гусар относил к дурному обществу). И в то же время Ростов испытывал и чувство уважения к «этому маленькому, слабому и гордому человеку».

Мечты о славе незаметно соединяются у князя Андрея с болью за состояние армии, за солдат и офицеров, ставших ему близкими людьми. Все значительные военные события показаны Толстым через восприятие Болконского, человека знающего, грамотного, постоянно анализирующего. Ему автор доверяет сказать самое главное о Кутузове, Наполеоне, Багратионе и других исторических лицах, изображенных в романе. Многогранной натуре князя Андрея свойственны и честолюбивые планы, индивидуалистические устремления — и подлинная человечность, и душевная теплота, и искренняя забота о людях. Он охотно помогает делать карьеру Борису Друбецкому, однако сам он такой помощи «по гордости никогда не принял бы для себя».

Накануне Аустерлицкого сражения Андрей составил свой план атаки, о котором не смог доложить на военном совете, где был принят губительный план Вейротера. «Неужели из-за придворных и личных соображений должно рисковать десятками тысяч и моею, *моею* жизнью?» — так думает Андрей, встревоженный решением совета. В ночь перед генеральным сражением он почувствовал приближение своего Тулона, в мечтах ему представляются фантастические успехи, гениальные решения, которые он принимает и которые приносят спасение армии, а ему — славу. Он мысленно наслаждается возникающими в его воображении картинами и героической ролью, что он себе уготовил: «И ему представилось сражение, потеря его, сосредоточение боя на одном пункте и замешательство всех начальствующих лиц... Он твердо и ясно говорит свое мнение и Кутузову, и Вейротеру, и императорам. Все поражены верностью его соображения, но никто не берется исполнить его, и вот он берет полк, дивизию, выговаривает условие, чтоб уже никто не вмешивался в его распоряжения, и ведет свою дивизию к решительному пункту и один одерживает победу». Ему представляется, как он сменяет Кутузова...

В эту ночь князь Андрей откровенно признается самому себе в своем главном стремлении: «...Я не знаю, что будет потом, не хочу и не могу знать; но ежели хочу этого, хочу славы, хочу быть известным людям, хочу быть любимым ими, то ведь я не виноват, что я хочу этого, что одного этого я хочу, для одного этого я живу». Его не страшат «смерть, раны, потеря семьи». Более того, «за минуту торжества над людьми, за любовь к себе людей» он готов отдать отца, сестру, жену.

На поле Аустерлица он действительно совершает подвиг, со знаменем в руках пытается остановить бегущих в панике и ужасе русских воинов, увлекает их за собой. Но все произошло совсем не так, как рисовалось Болконскому в его честолюбивых мечтах.

Все было проще, обыденнее, приземленнее. И «детски-пронзительный» крик, с которым Болконский вырвался вперед, мало соответствует представлениям о героическом, как и «тихий, жалостный и детский стон», который вырывается у лежащего с тяжелым ранением на поле боя князя. Здесь ему открывается совсем иной смысл жизни. Его взор устремляется к небу, далекому от суеты и мелких страстей. Теперь он совсем по-другому воспринимает то, что было несколько мгновений назад. «Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, — подумал князь Андрей, — не так, как мы бежали, кричали и дрались; совсем не так, как с озлобленными и испуганными лицами тащили друг у друга банник француз и артиллерист, — совсем не так ползут облака по этому высокому, бесконечному небу». Все прежние мечты теперь кажутся «пустыми», «обманом», его душа стремится «к тишине, успокоению».

К Андрею Болконскому приходит новое отношение к жизни и к своему прежнему миру. Наполеон приближается к тому месту, где лежит раненый князь Андрей, и, указывая на него, произносит: «Вот прекрасная смерть». Однако эти слова уже не волнуют Болконского, которому открылась истина. «Он знал, что это был Наполеон — его герой, но в эту минуту Наполеон казался ему столь маленьким, ничтожным человеком в сравнении с тем, что происходило теперь между его душой и этим высоким, бесконечным небом с бегущими по нем облаками».

Больше всего князю Андрею хотелось жить, хотелось, чтобы люди знали, что он еще жив: «Жизнь казалась ему столь прекрасною, потому что он так иначе понимал ее теперь». На поле Аустерлица Андрей Болконский пережил внутренний кризис, пришел к пониманию новых жизненных ценностей. «Глядя в глаза Наполеону, князь Андрей думал о ничтожности величия, о ничтожности жизни, которой никто не мог понять значения, и о еще большем ничтожестве смерти, смысл которой никто не мог понять и объяснить из живущих». Все, что казалось ему прежде значительным и важным, теперь выглядит иначе. Теперь он думает не о бранной славе и почестях — «тихая жизнь и спокойное семейное счастье в Лысых Горах представлялись ему».

В конце первого тома романа читатель узнает, что Болконский «в числе других безнадежно раненых, был сдан на попечение жителей».

Поправившись, Андрей возвращается в Лысые Горы, его приезд совпал с родами и смертью жены, оставившей ему сына. Обостренная совесть не дает Андрею покоя, и на лице мертвой маленькой княгини он читает: «Ах, что и за что вы это со мной сделали?» Андрей чувствует, «что виноват в вине, которую ему не поправить и не забыть».

Начинается новый этап в жизни героя. Старый князь Болконский «отделил сына и дал ему Богучарово», где Андрей проводит время в хозяйственных заботах. Все, за что он брался, он делал аккуратно и основательно. Потекла размеренная, тихая жизнь, казавшаяся ему привлекательной, когда он страдал под Аустерлицем от полученного ранения.

Однако же Пьера Безухова «поразила происшедшая перемена в князе Андрее... взгляд был потухший, мертвый».

Конечно, столь резкий перелом, происшедший во взглядах Андрея, не прошел для него бесследно. Отказавшись от одной цели, герой поставил перед собой другую, которая лишь на время могла занять его мысли и чувства. Уединенный образ жизни Андрея способствовал активной внутренней, духовной работе, поиску для себя смысла человеческой жизни. Разочаровавшись в славе Наполеона, для которой принесены в жертву тысячи людских жизней, Андрей «твердо решил никогда не служить более в военной службе». Более того, Пьеру он признается: «Ежели бы Бонапарте стоял тут, у Смоленска, угрожая Лысым Горам, и тогда бы я не стал служить в русской армии». «Я живу — и в этом не виноват; стало быть надо как-нибудь получше, никому не мешая, дожить до смерти».

Андрей сосредоточивается на воспитании сына, строительстве дома, помогает отцу заниматься ополчением, а от должности предводителя дворянства решительно отказывается, объяснив Безухову такое решение: «Во мне нет... этой известной добродушной и озабоченной пошлости, которая нужна для этого». Пьеру же высказывает и свой взгляд на жизнь: «Я знаю в жизни только два действительные несчастья: угрызение совести и болезнь. И счастье есть только отсутствие этих двух зол».

Встреча с Пьером Безуховым, навестившим друга в его уединении, показала и духовное их родство, и значительные расхождения во многих вопросах. В это время Пьер находился в состоянии внутреннего подъема, он только что совершил поездку по своим имениям, был очень доволен тем, что значительно, как ему казалось, смог улучшить положение крестьян, тогда как на самом деле все его преобразования не состоялись. Хотя Андрей пессимистически оценивает конкретные действия Пьера, доказывая, что мужиков, которые ведут «скотскую жизнь», совсем не надо жалеть («единственное возможное счастье — есть счастье животное; он не может не пахать, не косить; иначе он пойдет в ка-

бак, или делается болен»), все же живой, умный, добрый и жизнерадостный Пьер заражает своей энергией друга. «Свидание с Пьером было для князя Андрея эпохой, с которой началась... во внутреннем мире его новая жизнь».

Он «безвыездно прожил два года в деревне», где проявилась его деятельная натура. В отличие от Пьера, Андрей сумел многое изменить в жизни своих крестьян («без заметного труда»), так как он «имел в высшей степени... практическую цепкость». Ему удалось осуществить немало полезных конкретных дел. «Одно имение его в триста душ было перечислено в вольные хлебопашцы (это был один из первых примеров в России), в других барщина заменена оброком. В Богучарово была выписана на его счет ученая бабка для помощи родильницам, и священник за жалованье обучал детей крестьянских и дворовых грамоте».

Круг интересов Андрея достаточно обширен. Оторвавшись от столицы, Андрей тем не менее был в курсе всех государственных и политических событий, «занимался... критическим разбором наших двух последних несчастных кампаний и составлением проекта об изменениях наших военных уставов и постановлений». И все же самому себе он внушает, что отныне он лишь «должен доживать свою жизнь, не делая зла, не тревожась и ничего не желая».

Из такого настроения выводит Андрея поездка «по опекунским делам рязанского имения», посещение дома Ростовых в Отрадном. Чистая, счастливая атмосфера, царившая в семье Ростовых, живая, эмоциональная и непосредственная Наташа, которую Андрей почти не видел, но которая своим восхищением красотой звездной ночи передала ему ощущение полноты жизни, ее радости, — все это способствует духовному оздоровлению Андрея

Новые радостные впечатления вызвали в его душе «неожиданную путаницу молодых мыслей и надежд, противоречащих всей его жизни». Те силы, что таились на дне души, прорываются наружу. «Нет, жизнь не кончена в тридцать один год, — вдруг окончательно, беспеременно решил князь Андрей. — Мало того, что я знаю все то, что есть во мне, надо, чтобы и все знали это... надо, чтобы все знали меня, чтобы не для одного меня шла моя жизнь».

Болконский чувствует прилив новых сил, желание славы и активной деятельности. В 1809 году он покидает Богучарово и приезжает в Петербург с целым рядом предложений относительно военного устава. Однако государь не пожелал принять его лично и переправил записку князя Андрея военному министру Аракчееву, человеку тупому и малограмотному, который не одобрил идей Болконского. Зато сильное впечатление на князя Андрея поначалу произвел государственный секретарь Сперанский. В нем Болконский увидел «идеал вполне разумного и добродетельного человека». Мало того, князь Андрей «питал к нему страстное чувство восхищения». Невольным итогом действий Болконского явилось то, что он был назначен «членом комиссии составления воинского устава и, чего он никак не ожидал, начальником отделения комиссии составления законов».

И на этом пути его ждало разочарование. Он понял, что в комитете Сперанского все заняты лишь формой и обходят все, что «касалось сущности дела». На таком фоне жизнь в деревне, наполненная настоящими, нужными людям заботами, стала оцениваться Андреем Болконским как жизнь действительно полезная, а то, что он делает в Петербурге, — праздным занятием. В Сперанском он распознал фальшь, увидел в его поведении много показного, неестественного.

В петербургском свете князь Андрей находится в центре внимания. Одних привлекали его ум и начитанность, других — его сочувствие к положению крестьян, а женщины видели в нем богатого и знатного жениха: «О нем говорили, им интересовались, и все желали его видеть». Лишь для юной графини Ростовой, бесхитростной и открытой,

живущей прежде всего по законам сердца, Болконский — «чужой и страшный для нее человек».

В Наташе не было того, что так раздражало его в женщинах светского общества: глупого жеманства, неискреннего тона или расчетливых поступков. «Никогда не испытывал ничего подобного. Я влюблен, мой друг», — признается князь Андрей Пьеру Безухову.

Жизнь князя Андрея под влиянием влюбленности совершенно меняется. «Весь мир разделен для меня на две половины: одна — она, и там все счастье, надежда, свет; другая половина — все, где ее нет, там все уныние и темнота». Он слушал, как пела Наташа, и «в душе его произошло что-то новое и счастливое». Князь Андрей ощутил в себе потребность жить с мечтой о счастье. «“Из чего я бьюсь, из чего я хлопочу в этой узкой, замкнутой рамке, когда жизнь, вся жизнь со всеми ее радостями открыта мне?” — говорил он себе. И он в первый раз после долгого времени стал делать счастливые планы на будущее».

Князь Андрей делает Наташе предложение, но его отец с неодобрением отнесся к чувству сына и потребовал отсрочки женитьбы на год.

Больно ранила Андрея Болконского измена Наташи, ее увлечение Анатолом Курагиным. И даже вмешательство Пьера его не смягчило. «Помню... я говорил, что падшую женщину надо простить, но я не говорил, что я могу простить. Я не могу... Ежели ты хочешь быть моим другом, не говори со мной никогда про эту... про все это».

В таком состоянии духа застал князя Андрея 1812 год. Он принял предложение Кутузова и ушел в армию. На войне он надеялся встретить Анатоля Курагина и, отыскав повод для дуэли, отомстить ему и за Наташу, и за себя. Но на войне личная обида заслонила понимание общей трагедии, обрушившейся на родную землю.

Андрей Болконский командует полком, и заботы о подчиненных становятся для него главным делом. «Пожар Смоленска и оставление его были эпохой для князя Андрея. Новое чувство озлобления против врага заставило его забывать свое горе... В полку его называли наш князь, им гордились и его любили». Когда Кутузов, назначенный фельд-маршалом, выразил желание оставить Болконского при штабе, тот отказался: «...Я привык к полку, полюбил офицеров, и люди меня, кажется, полюбили. Мне бы жалко было оставить полк». Кутузов понял князя Андрея и благословил его на жизнь полкового офицера. «Советчиков всегда много, а людей нет. Не такие бы полки были, если бы все советчики служили там в полках, как ты... Иди с Богом своею дорогой. Я знаю, твоя дорога — это дорога чести».

Перед Бородинским боем Андрей Болконский «чувствовал себя взволнованным и раздраженным». Ему не давали покоя «мысли самые простые и ясные». «Он знал, что завтрашнее сражение должно было быть самое страшное из всех тех, в которых он участвовал, и возможность смерти в первый раз в его жизни... с живостью, почти с достоверностью, просто и ужасно, представилась ему». Теперь «вся жизнь представилась ему волшебным фонарем, в который он долго смотрел сквозь стекло и при искусственном освещении». То, что когда-то казалось ему великим («слава, общественное благо, любовь к женщине, самое общество»), стало для него чем-то примитивным и незначительным. Его не отпускало предчувствие смерти. «А завтра меня убьют... и сложатся новые условия жизни, которые будут также привычны для других, и я не буду знать других, и меня не будет». Князь Андрей впервые так живо ощутил, что жизнь людей и природы может продолжаться без него, и тогда все (и березы, и облака, и дым костров), «все вокруг преобразилось для него и показалось чем-то страшным и угрожающим».

Но одновременно Болконский очень точно улавливал и анализировал все происходящее в армии. Как непростительную ошибку Барклая де Толли Андрей характеризует его приказ об отступлении от Смоленска. Об этом с глубокой страстью и болью он говорит Пьеру Безухову: «Он не мог понять того... что мы в первый раз дрались там

за русскую землю, что в войсках был такой дух, какого никогда я не видал... Он велел отступать, и все усилия и потери пропали даром».

В разговоре с другом князь Андрей подчеркивает, что войну нельзя сравнивать с игрой в шахматы, где можно долго и безболезненно обдумывать каждый очередной ход. На войне действуют свои законы, здесь успех дела зависит «от того чувства, которое есть во мне, в нем, — он указал на Тимохина, — в каждом солдате». Опыт, обретенный в боях, привел Болконского к убеждению: «Сражение выигрывает тот, кто твердо решил его выиграть». И поэтому он совершенно уверен в исходе предстоящей решающей битвы, в несомненной победе русской армии. Хотя, как он заметил, война — это «не любезность, а самое гадкое дело в жизни», потому что на ней прежде всего не обретают личную славу, а теряют близких и дорогих людей. «Цель войны — убийство, орудия войны — шпионство, измена и поощрение ее, разорение жителей, ограбление их или воровство для продовольствия армии», — объясняет он Пьеру.

В уста Андрея Болконского Толстой вкладывает свои мысли, дает свое понимание войны. «Сойдутся, как завтра, на убийство друг друга, перебьют, перекалечат десятки тысяч людей, а потом будут служить благодарственные молебны за то, что побили много людей... и провозглашают победу, полагая, что чем больше побито людей, тем больше заслуга».

Андрей Болконский, каким он предстает перед читателями в третьем томе, так не похож на прежнего князя, мечтавшего о славе Наполеона. Он пережил разочарование в своем идеале, Наполеоне, смерть жены и отца, любовь к Наташе и ее измену, он сблизился с людьми, окружающими его в армии, и другу своему признался: «Ах, душа моя, последнее время мне стало тяжело жить. Я вижу, что стал понимать слишком много. А не годится человеку вкушать от древа познания добра и зла».

В начале Бородинского сражения «полк князя Андрея был в резервах... под сильным огнем артиллерии», а затем «был выдвинут вперед на стоптанное овсяное поле... на тот промежуток, на который во втором часу дня был направлен усиленно-сосредоточенный огонь из нескольких сот неприятельских орудий», где потерял значительную часть людей. До поры до времени люди вели себя спокойно и деловито, хотя «с каждым новым ударом все меньше и меньше случайностей жизни оставалось для тех, которые еще не были убиты». Болконский в это время уже не думает о том, что волновало его в последнюю ночь. «Все силы его души, точно так же как и каждого солдата, были бессознательно направлены на то, чтоб удержаться только от созерцания ужаса того положения, в котором они были». Но наступил момент, когда вдруг «ужас лошади», испытавшей страх от гранаты, «сообщился людям», — вот-вот могла вспыхнуть паника. И князь Андрей демонстрирует пример хладнокровия и бесстрашия. Он знал, что нельзя показывать свою слабость солдатам, и выговаривает испугавшемуся адъютанту: «Стыдно, господин офицер!». А «граната, как волчок, дымясь вертелась между ним и лежащим адъютантом». В тот момент князю Андрею более всего хотелось жить. «Я не могу, я не хочу умереть, я люблю жизнь, люблю эту траву, землю, воздух...» Но «вместе с тем помнил о том, что на него смотрят».

От взрыва гранаты Болконский получил смертельное ранение. В перевязочном пункте он наконец-то увидел своего врага, умирающего Анатоля Курагина, и душа его наполнилась новым чувством: «Сострадание, любовь к братьям, к любящим, любовь к ненавидящим нас, любовь к врагам — да, та любовь, которую проповедовал Бог на земле, которой меня учила княжна Марья и которой я не понимал».

Раненые, среди которых был и Андрей Болконский, нашли приют в московском доме Ростовых, отдавших свои подводы защитникам отечества. Встрече Наташи с князем предшествовал утомительный и тяжелый для князя Андрея переезд из Москвы в Мытищи. Он испытывал мучительную боль от любого неосторожного движения, но в нем не прекращалась напряженная внутренняя работа. Он постоянно думал о Наташе и наконец

«в первый раз представил себе ее душу», «понял ее чувство, ее страдания, стыд, раскаянье». И впервые Андрей «понял всю жестокость своего разрыва с нею».

Появление Наташи вызвало у него ощущение счастья. «Я люблю тебя больше, лучше, чем прежде, – сказал князь Андрей, поднимая рукой ее лицо так, чтоб он мог глядеть в ее глаза».

Толстой подробно описывает мысли и чувства Андрея Болконского, его размышления о любви, жизни и смерти, его медленное «пробуждение от жизни», его кончину. Смерть Андрея вызвала у Наташи и княжны Марьи — самых близких ему людей — особое чувство. «Они плакали от благоговейного умиления, охватившего их души перед сознанием простого и торжественного таинства смерти, совершившегося перед ними». Выслушав рассказ княжны Марьи о смерти ее брата, Пьер пришел к выводу: «Он так всеми силами души всегда искал одного: быть вполне хорошим, что он не мог бояться смерти».

В эпилоге имя князя Андрея Толстой связывает с темой декабризма. Николеньке Болконскому приснился сон, в котором он и Пьер Безухов «шли впереди огромного войска» против Аракчеева.

Вдруг рядом оказался отец, который «не имел образа и формы» и который слился с образом Пьера. Сын Андрея, слушая разговоры Пьера и Николая Ростова, не случайно задает Пьеру вопрос: «Ежели бы папа был жив... Он бы согласен был с вами?» — и слышит в ответ: «Я думаю, что да».